

Часть первая
НА КАВКАЗЕ

Глава I

Первые воспоминания.
Хаджи-Магомет. Чёрная роза

Я грузинка. Моё имя Нина — княжна Нина Джаваха-оглы-Джамата. Род князей Джамата — славный род; он известен всему Кавказу, от Риона и Куры до Каспийского моря и Дагестанских гор.

Я родилась в Гори, чудном, улыбающемся Гори, одном из самых живописных и прелестных уголков Кавказа, на берегах изумрудной реки Куры.

Гори лежит в самом сердце Грузии, в прелестной долине, нарядный и пленительный со своими развесистыми чинарами, вековыми липами, мохнатыми каштанами и розовыми кустами, наполняющими воздух пряным, одуряющим запахом красных и белых цветов. А кругом Гори — развалины башен и крепостей, армянские и грузинские кладбища, дополняющие картину,

отдающую чудесным и таинственным преданием старины...

Вдали синеют очертания гор, белеют пёрловым туманом могучие, недоступные вершины Кавказа — Эльбрус и Казбек, над которыми парят гордые сыны Востока — гигантские серые орлы...

Мои предки — герои, сражавшиеся и павшие за честь и свободу своей родины.

Ещё недавно Кавказ дрожал от пушечных выстрелов, и всюду раздавались стоны раненых. Там шла непрерывная война с полудикими горцами, делавшими постоянные набеги на мирных жителей из недр своих недоступных гор.

Тихие зелёные долины Грузии плакали кровавыми слезами...

Во главе горцев стоял храбрый вождь Шамиль, одним движением глаз рассылавший сотни и тысячи своих джигитов в христианские селения... Сколько горя, слёз и разорения причиняли эти набеги! Сколько плачущих жён, сестёр и матерей было в Грузии...

Но вот явились русские и вместе с нашими воинами покорили Кавказ. Прекратились набеги, скрылись враги, и обессиленная войною страна вздохнула свободно...

Между русскими вождями, смело выступившими на грозный бой с Шамилем, был

и мой дед, старый князь Михаил Джаваха, и его сыновья — смелые и храбрые, как горные орлы...

Когда отец рассказывал мне подробности этой ужасной войны, унесшей за собою столько храбрых, моё сердце билось и замирало, словно желая вырваться из груди...

Я жалела в такие минуты, что родилась слишком поздно, что не могла скакать с развевающимся в руках белым знаменем среди горсти храбрецов по узким тропинкам Дагестана, повисшим над страшными стремнинами...

Во мне сказывалась южная, горячая кровь моей матери.

Мама моя была простая джигитка из аула Бестуди... В ауле этом поднялось восстание, и мой отец, тогда ещё совсем молодой офицер, был послан с казачьей сотней усмирять его.

Восстание усмирили, но отец мой не скоро уехал из аула...

Там, в сакле старого Хаджи-Магомета, он встретил его дочку — красавицу Марием...

Чёрные очи и горные песни хорошенькой татарки покорили отца, и он увёз Марием в Грузию, где находился его полк.

Там она приняла христианскую веру, против желания разгневанного старика Ма-

гомета, и вышла замуж за русского офицера.

Старый татарин долго не мог простить этого поступка своей дочери...

Я начинаю помнить маму очень, очень рано. Когда я ложилась в кроватку, она присаживалась на край её и пела песни с печальными словами и грустным мотивом. Она хорошо пела, моя бедная красавица «деда»!¹

И голос у неё был нежный и бархатный, как будто нарочно созданный для таких печальных песен... Да и вся она была такая нежная и тихая, с большими грустными чёрными глазами и длинными косами до пят. Когда она улыбалась, казалось, улыбалось небо...

Я обожала её улыбки, как обожала её песни... Одну из них я отлично помню. В ней говорилось о чёрной розе, выросшей на краю пропасти в одном из ущелий Дагестана... Порывом ветра пышную дикую розу унесло в зелёную долину... И роза загрустила и зачахла вдали от своей милой родины... Слабея и умирая, она тихо молила горный ветерок отнести её привет в горы...

¹ Дéда — мать по-грузински (здесь и далее примечания автора).

Несложная песня с простыми словами и ещё более простым мотивом, но я обо- жала эту песню, потому что её пела моя красавица мать.

Часто, оборвав песню на полуслове, «деда» схватывала меня на руки и, прижи- мая тесно-тесно к своей худенькой груди, лепетала сквозь смех и слёзы:

— Нина, джаным¹, любишь ли ты меня?

О, как я любила, как я её любила, мою ненаглядную деду!..

Когда я становилась рассудительнее, меня всё больше и больше поражала печаль её прекрасных глаз и тоскливых напевов.

Как-то раз, лежа в своей постельке с за- крытыми от подступившей дремоты глазка- ми, я невольно услышала разговор мамы с отцом.

Она смотрела вдаль, на вьющуюся чёр- ной змееобразной лентой тропинку, убега- ющую в горы, и тоскливо шептала:

— Нет, сердце моё, не утешай меня, он не приедет!

— Успокойся, моя дорогая, он опоздал сегодня, но он будет у нас, непременно бу- дет, — успокаивал её отец.

¹ *Джаным* — по-татарски душа, душенька — самая употребительная ласка на Востоке.

— Нет, нет, Георгий, не утешай меня...
Мулла¹ его не пустит...

Я поняла, что мои родители говорили о деде Хаджи-Магомете, всё ещё не желавшем простить свою христианку дочь.

Иногда дед приезжал к нам. Он появлялся всегда внезапно со стороны гор, худой и выносливый, на своём крепком, словно из бронзы вылитом коне, проведя несколько суток в седле и нисколько не утомляясь длинной дорогой.

Лишь только высокая фигура всадника показывалась вдали, моя мать, оповещённая прислугой, сбегала с кровли, где мы проводили большую часть нашего времени (привычка, занесённая ею из родительского дома), и спешила встретить его за оградой сада, чтобы, по восточному обычаю, поддержать ему стремя, пока он сходил с коня.

Наш денщик, старый грузин Михако, принимал лошадь деда, а старик Магомет, едва кивнув головой моей матери, брал меня на руки и нёс в дом.

Меня дедушка Магомет любил исключительно. Я его тоже любила и, несмотря на его суровый и строгий вид, я ничуть его не боялась...

¹ *Мулла* — священник у мусульман.

Лишь только поздоровавшись с моим отцом, он усаживался с ногами, по восточному обычаю, на пёстрой тахте, я вскакивала к нему на колени и, смеясь, рылась в карманах его бешмета¹, где всегда находились для меня разные вкусные лакомства, привезённые из аула². Чего тут только не было — и засахаренный миндаль, и кишмиш³, и несколько приторные медовые лепёшки, мастерски приготовленные хорошенькой Бэллой — младшей сестрёнкой моей матери.

— Кушай, джаным, кушай, моя горная ласточка, — говорил он, приглаживая жёсткой и худой рукой мои чёрные кудри.

И я не заставляла себя долго просить и наедалась до отвала этих лёгких и вкусных, словно таявших во рту лакомств.

Потом, покончив с ними и всё ещё не сходя с колен деда, я прислушивалась внимательным и жадным ухом к тому, что он говорил с моим отцом. А говорил он много и долго... Говорил всё об одном и том же: о том, как упрекает и стыдит его при каждой встрече старик мулла за то, что

¹ *Бешмёт* — род кафтана, обшитого галуном.

² *Аул* — селение горцев.

³ *Кишмиш* — изюм.

он отдал свою дочь «урусу»¹, что допустил её отречься от веры Аллаха² и спокойно пережил её поступок. Отец, слушая деда, крутил только свой длинный чёрный ус да хмурил тонкие брови.

— Слушай, кунак³ Магомет, — вырвалось у него в одну из таких бесед, — тебе нечего беспокоиться за твою дочь: она счастлива, ей хорошо здесь, наша вера стала ей родной и близкой. Да и поправить сделанного нельзя... Не беспокой же ты даром мою княгиню. Видит Бог, она не переставала быть тебе покорной дочерью. Передай это своему мулле, и пусть он поменьше заботится о нас да поусерднее молится Аллаху.

Боже мой, как вспыхнуло от этих слов лицо деда!.. Он вскочил с тахты... Глаза его метали молнии... Он поднял загоревшийся взор на отца — взор, в котором сказалась вся полудикая натура кавказского горца, и заговорил быстро и грозно, мешая русские, татарские и грузинские слова:

— Кунак Георгий... ты урус, ты христианин и не поймёшь ни нашей веры, ни на-

¹ Горцы называли русских и грузин, вообще христиан — *урусами*.

² *Алла́х* — Бог.

³ *Куна́к* — друг, приятель.

шего Аллаха и его пророка... Ты взял жену из нашего аула, не спросясь желаний её отца... Аллах наказывает детей за непокорность родителям... Марием знала это и всё же пренебрегла верою отцов и стала твоею женою... Мулла прав, не давая ей своего благословения... Аллах вещает его устами, и люди должны внимать воле Аллаха...

Он говорил ещё долго, долго, не подозревая, что каждое его слово прочно западает в юную головку прижавшейся в уголок тахты маленькой девочки.

А моя бедная деда слушала сурового старика, дрожа всем телом и бросая на моего отца умоляющие взоры. Он не вынес этого немого укора, крепко обнял её и, передёрнув плечами, вышел из дому... Через несколько минут я видела, как он скакал по тропинке в горы. Я смотрела на удаляющуюся фигуру отца, на стройный силуэт коня и всадника, и вдруг точно что-то толкнуло меня к Хаджи-Магомету.

— Деда! — неожиданно прозвучал среди наступившей тишины мой детский звонкий голос. — Ты злой, деда, я не буду любить тебя, если ты не простишь маму и будешь обижать папу. Возьми назад твой кишмиш и твои лепёшки; я не хочу их брать от тебя, если ты не будешь таким же добрым, как папа!

И, недолго думая, я быстро вывернула карманы, куда набрала привезённые дедом лакомства, и выбросила всё их содержимое на колени изумленного старика.

Моя мать, прижавшись в угол комнаты, делала мне отчаянные знаки, но я не обращала на них внимания.

— На, на! И свой кишмиш бери, и лепёшки бери, и армянские пряники... ничего, ничего не хочу от тебя, злой, недобрый деда! — твердила я, вся дрожа, как в лихорадке, продолжая выкидывать из карманов привезённые им лакомства.

— Кто учит ребенка непочтению к старости? — загремел на весь дом голос Хаджи-Магомета.

— Никто не учит меня, деда! — смело крикнула я. — Моя мама, хоть не молится на восток, как ты и Бэлла, но она любит вас, и аул твой она любит, и горы, и скучает без тебя, и молится Богу, когда ты долго не едешь, и ждёт тебя на кровле... Ах, деда, деда, ты и не знаешь, как она тебя любит!

Что-то необъяснимое при этих словах промелькнуло в лице старика. Орлиный взор его упал на маму. Вероятно, много муки и любви прочёл он в глубине её чёрных кротких глаз, — только его собствен-

ные глаза заблестели ярко-ярко и словно задёрнулись набежавшей в них влагой.

— Правда ли, джаным? — скорее прошептал, нежели спросил, Хаджи-Магомет.

— О батоно!¹ — стоном вырвалось из груди моей матери, и, подавшись вперёд всем своим гибким и стройным станом, она упала к ногам деда, тихо всхлипывая и лепеча одно только слово, в котором выражалась вся её беспредельная любовь к нему: — О батоно, батоно!

Он схватил её, поднял и прижал к своей груди.

Я не помню, что было дальше... Я понеслась, как бешеная горная лошадка, по тенистым аллеям нашего сада, будучи не в силах удержать порыв восторженного счастья, захватившего могучей волной моё детское сердечко...

Я носилась, задыхаясь, плача и смеясь в одно и то же время... Я была счастлива, как никогда, острым, захватывающим, почти невыносимым порывом счастья...

Когда, несколько успокоенная, я вернулась в комнату, то увидела мою мать, сидящую у ног деда... Его рука лежала на

¹ *Батоно* — господин по-грузински; это слово прибавляют для почтительности.